

Вадим Абдрашитов: «Из нас хотят сделать зомби»

Одному из самых известных отечественных режиссеров – 60

Екатерина Барабаш

Вадим Абдрашитов по образованию физик. Может, поэтому его фильмы так строго выстроены. Вадим Абдрашитов в душе лирик. Может, поэтому его картины так эмоционально насыщены и печальны. Окончив ВГИК, Абдрашитов остался по сути без работы – в течение года он отвергал сценарии один за другим – «не то». Пока наконец не нашел Александра Миндадзе, своего верного и единственного сценариста. Вместе они сделали одиннадцать фильмов. Наверное, это не так много за тридцать лет, но – ни одного проходного. «Слово для защиты», «Поворот», «Охота на

либу», «Парад планет». Сегодня Вадиму Абдрашитову исполнилось 60.

Вадим Юсупович, объясните парадокс: почему вас не записали в советские времена, ведь вы снимали на грани запрещенного?

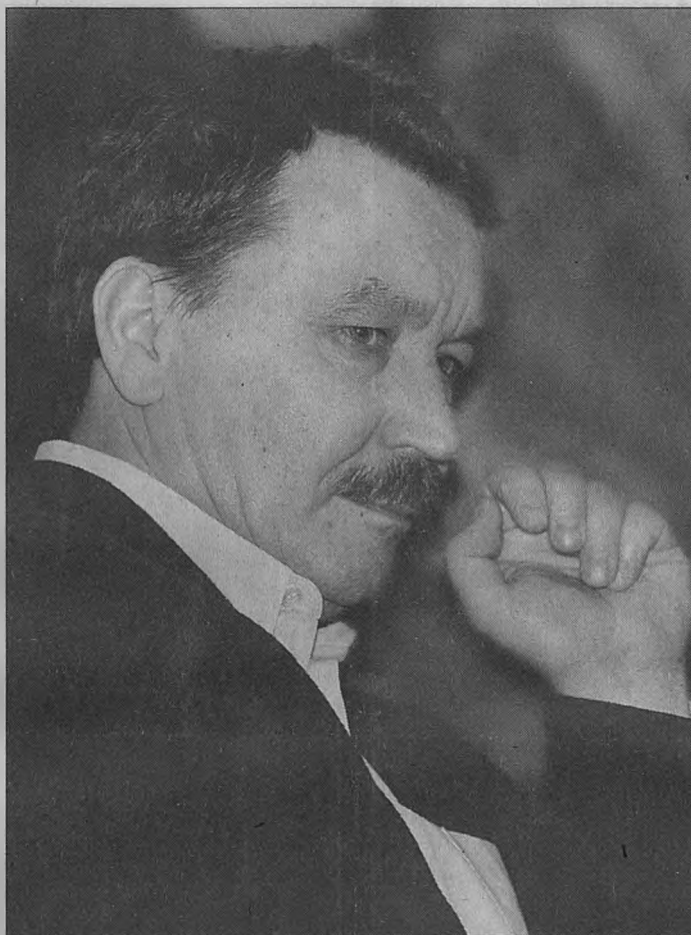
– В определенном смысле это действительно парадокс. Но я думаю, это было потому, что внешнего, простейшего слоя антисоветчины в картинах не было, мы не прятали фишки в карманах, а просто старались делать фильмы о живых людях. И та правда, что заключалась в характерах, правда существования этих героев, как мне кажется, была художественно убедительна.

– Вашим картинам никогда не был свойствен особый оптимизм, а «Магнитные бури» – просто апокалиптическая антиутопия. Вы так видите жизнь за пределами Садового кольца?

– Ну зачем так обобщать? Что касается оптимизма, для меня это тоже непонятная категория, и упреки в отсутствии оптимизма надо предъявлять сегодня не авторам, а тому, что изображено на экране. Я знаю одно: во всех наших с Миндадзе картинах есть все, кроме тенденциозности в самом примитивном смысле этого слова, и все они максимально гуманизированы, и в каком-то смысле это самое главное. Что касается «Магнитных бурь», здесь как раз есть определенный оптимизм: раз авторы сняли эту картину, значит, не все так уж безнадежно, во всяком случае, у кого-то существует четкое понимание того, что нельзя становиться частью толпы. Власти очень выгодно, чтобы мы были не народом, не нацией, а толпой. Зомбированной. Нельзя превращаться в толпу, а надо любить свой дом, семью, близких, друзей и себя сохранять как автономную личность. Вот об этом картина, согласитесь. Так что я не думаю, что это такой уж апокалипсис.

– Ваши картины до сих пор необычайно актуальны. Недавно показывали «Остановился поезд» – поразительно, сейчас он звучит более современно, чем 20 с лишним лет назад. Вы когда-нибудь ставили для себя цель заглянуть в будущее, побыть Касандрой?

– Да нет, в первую очередь нас всегда интересовал живой человек с таким характером, которого я раньше не видел на наших экранах, – например, человек с таким подпольем, как следователь Ермаков, герой Олега Борисова в фильме «Остановился поезд». Который не любит, иногда ненавидит всех, потому что страдает от невозможности устроить их нормальную жизнь.

Вадим Абдрашитов всегда снимал только «свое».

Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Интересно было посмотреть, как такой человек существует в нашем обществе. А если у него небольшая власть – что тогда? Ну а если еще при этом получается стереоскопическая картина жизни – ну так, значит, мы все правильно делали.

– Кем, по-вашему, стал выросший мальчик Плюмбум?

– Как ни странно и даже ни страшно звучит, но мальчик Плюмбум – просто романтик по сравнению с теми дядями Плюмбумами, которые сейчас во многом определяют нашу жизнь. У нашего Плюмбума была хоть какая-то идея, он представлял себя неким бескорыстным санитаром, что ли, очищающим общество от грязи. А нынешние стальные Плюмбумы – для них же, кроме наживы, ничего не существует.

– Нет ли у вас ощущения, что сейчас по сравнению с советскими временами художнику стало труднее работать? Ведь многие оказались не готовы к исчезновению цензуры.

– Нет, я этого не чувствую. Мне кажется, что, с одной стороны, работать сейчас стало легче – для кинематографистов существенно увеличилось поле деятельности, в первую очередь за счет телевидения. Но, как ни странно это звучит, сейчас существует огромный дефицит режиссуры. Возникает какой-то интересный проект – и вдруг оказывается, что его некому осуществлять, нет приличного режиссера. Не гениального, не выдающегося – просто профессионального. Это никак не связано со временем, это говорит лишь об отсутствии

прослойки профессиональных людей.

– Неужели наша режиссерская школа умерла?

– В широком смысле она есть. Все-таки наши киношники готовят очень подробно и тщательно, кроме того, существует мощнейшая традиция отечественного кино, великого кино. Просто сейчас все хотят заработать, для этого делается огромное количество низкокачественных фильмов, на потребу, вот и теряется уровень. Это грустно.

– Вы один из немногих режиссеров, которому удавалось всегда снимать то, что хотелось. Это право – снимать то, что хочется, – как его можно заслужить?

– Его никак не надо заслуживать. Просто надо совершенно четко понимать, и я это понял на своем опыте: если хочешь что-то снять – ты это снимешь.

– Но прежде чем снять первую картину – «Слово для защиты», вы долго сидели без работы.

– Правильно. Я искал, я не хотел снимать то, что не хотел. Мог бы дольше искать.

– А если бы не нашли Миндадзе?

– Не свое все равно не снимал бы. А своего бы добился. Только нужно очень сильное желание. Это как в любви: когда уж очень хочешь – добьешься, правда?

– Истинная правда. И, наверное, в кино, как и в любви, тоже приходится страдать. Вы ведь не часто снимаете. Что в перерывах – ломка, опустошение?

– Да, между картинами у меня просто портится характер!

– Может, в перерывах бизнесом заняться, характер исправится? Вот в вашем доме на первом этаже ваш коллега держит трактир.

– А я не умею, к сожалению. Наверное, если бы умел и хотел – занялся бы и бизнесом. Я, правда, не очень представляю, как могут совмещаться искусство и бизнес – параллельным монтажом? ■

В кино, как в любви – всего можно добиться, было бы желание

лис», «Парад планет», «Остановился поезд», «Пьеса для пассажира», «Плюмбум, или Опасная игра», «Слуга», «Армавир», «Время танцора»... Везде – четкая авторская позиция, не одобренная даже намеком на конъюнктуру. Последний фильм Абдрашитова – «Магнитные бури» – страшная и художественно убедительная констатация того, как люди превращаются в толпу, как они готовы бить смертным боем ближнего своего только потому, что кто-то сильный сказал: «Бей!» (Кстати, в ближайшую пятницу в 23.25 на канале «Россия» наконец-то покажут этот фильм.) При этом Абдрашитов – человек мягкий, несуетливый, невеселый. С ним хочется говорить тихим голосом и все время за что-

Это во многом защищало наши картины. Достаточно сказать, что «Охота на лису», картина, с которой меня сняли, за которую даже уволили на какое-то время с «Мосфильма», которую потом переделывали чужими руками, она так и не сложилась по-иному, нежелю как у нас.

– Многие называют вас социальным режиссером, мне, честно говоря, это определение не нравится.

– Мне тоже, потому что никто не может определить, что такое социальный. Если вы берете историю про юношу, который полюбил девушку, и погружаете это в реальную жизнь, если эта история всерьез рассказана, если она художественно убедительна... Это что такое, социальная режиссура или что? Все-таки любые ярлыки приклеивают, как правило, не совсем грамотные люди.